

Ноздри у неё идеальной формы. Для меня идеальной. Нос острый и немножечко кривой, чего невозможно заметить, но я заметил, потому что разговаривал с ней специально много, чтобы разглядеть лицо. У неё глаза серые, и взгляд, словно проникающий внутрь головы, из-за него становится холодно во рту.

Когда я пришёл во второй раз, она улыбнулась тонкими губами и сказала: «Я вас помню».

Во второй раз я пришёл из-за неё. И потом все разы из-за неё.

В первый раз пришёл, потому что тема лекции была интересная, а мой знакомый – Дима Астафьев – работает в лекционном центре, похожем на богатую частную больницу. Всё там искрится стерильностью так, что глаза жжёт. Я не люблю подобные места, мне всегда кажется, что богато слишком. Оттого неуютно.

Дима работает там менеджером. Он такое с детства обожает. Мы ездили как-то раз с классом в больницу, и я уверен – он притворялся, что недоволен.

Я не знаю, чем занимаются менеджеры.

Благодаря Диме прийти на лекцию можно было бесплатно. Я не совсем бедный (по русским меркам), но люблю, когда бесплатно.

Лекция была про японскую поэзию. Я – востоковед. Громко сказано, конечно, но в дипломе так написано.

Неважно всё это.

Я пришёл. Стоял в своей курточке болотной, выглядел, как диковинное создание, вылезшее из леса, лохматый.

Вроде расчёсываюсь, а всё равно ощущение, что на сеновале спал. В разные стороны всё. Рыжее ещё.

У мамы такие же волосы были, ей шло, а мне – не знаю. Странно от своих волос иногда. Забываю подстригаться. Я забываю за квартиру платить. Я много чего не помню.

На выпускном ко мне подошла девочка, позвала танцевать. Мы танцевали, и она решила, что нравится мне. Потому что я не сказал ей «нет».

Странно, да?

В конце танца она сказала: «Извини, ты норм, но мне волосы твои не нравятся. Ну, цвет их».

Я сказал: «А мне ты не нравишься».

Пьяный был. Не произнёс бы такое, будь я трезвым.

Она обиделась и сказала всем, что я голубой. А я в себе ещё тогда не разобрался.

Штамп такой тяжёлый: «разбираться в себе». Будто ты конструктор, и собираешь себя и разбираешь всё время.

Вот такое, вроде этой истории, я помню, конечно. А про подстригаться – нет.

Можно мне не верить, но в тот первый раз, когда я пришёл в лекционный центр, день был особенный. Я вышел на улицу и почувствовал, что на губы тёплое что-то ложится. Как поцелуй. Хотя все поцелуи в моей жизни были склизкие и холодные, и когда я целовался, то думал про гадов морских и про личинок всяких. Всегда старался скорее покончить с целованием. Это самое худшее во всей тактильной близости.

После первых опытов я разочарованно спрашивал у своей школьной подруги: «Это почему так, Маша? Ты говорила, что это приятно». Она говорила: «Да, приятно. Это вкусно и тепло».

Я потом понял, что это правда, хотя никогда так не получалось. В тот день воздух меня поцеловал весной вот так. Как мне всегда хотелось.

И мне собака улыбнулась тогда. Такое я запомнить могу. Не та, маленькая, которая всегда улыбается, а большая чёрная. Хвостом завияла и улыбнулась.

В лекционном центре было неловко, а Дима всё не выходил ко мне. Я решил, что подожду его ещё минут десять, и если он не выйдет, то я пойду в бар через дорогу. Там мне было бы уютнее.

Но вместо Димы я увидел девушку по имени Лера. Не понял, что почувствовал. Всё просто перестало... Просто на неё смотрел.

Она была официально одета – белая рубашка, чёрный пиджак, чёрные брюки и туфли на каблуках. Волосы у неё были длинные, серебристые и прямые. Она открыла дверь в лекционный зал и пригласила всех войти. Все должны были приложить электронный пропуск. Когда люди зашли, Лера повернулась ко мне и сказала: «Здравствуйте. Вы ждёте кого-то?»

Я смутился. Что-то профуфыкал про Диму, что он мой друг, что я не могу дозвониться и он обещал провести. Лера улыбнулась.

И вдруг накатило.

Я стал чувствовать. Слишком сильно и много и в один момент. Она улыбалась очень больно, так, что мне в горло попала эта улыбка, я вдохнуть не мог. Я захотел, чтоб она ещё что-то сказала. Её голос звучал, как те музыкальные группы, которые я слушаю до помешательства. Она подошла ближе, и я почувствовал её запах – пахло печальными скульптурами в греческих дворцах. Она сказала: «Ваш друг – Дима Астафьев?» Я прошептал: «Да». Она сказала: «Пойдёмте», – и немного дотронулась до моей руки выше локтя.

Я влюбился в неё.

Она провела меня на маленький балкончик: «Отсюда даже лучше видно». Я пытался сосредоточиться на лекции,

но постоянно чувствовал, что она сидит рядом. Вроде слушала внимательно, но при этом ещё и в других местах была, никому недоступных. Я не хотел смотреть на неё, потому что это было бы невежливо. Но смотрел украдкой. Невозможно было понять, о чём шла речь в лекции. Будто тысячи птиц слетелись, и галдят в один момент. А я слушаю их, и мне вообще не важно значение.

Второй раз я пришёл ради неё. Через неделю.

Димы опять не было. Мне было всё равно.

Она увидела и сказала: «Я вас помню». Я обрадовался. Я всю неделю репетировал, как буду с ней говорить. Спрашивать банальности и глупо шутить. И разглядывать её.

У неё на лице есть светлые-светлые веснушки, которых почти не видно. Но я увидел. Глаза она подвела в тот раз серебряным, чтоб подходило к волосам. Подбородок вытянутый, но идеальной формы. Я хотел бы целовать этот подбородок. Я и её губы хотел целовать, хотя раньше никого не хотел целовать в губы.

Оказалось, я раньше не влюблялся.

Во второй раз от неё пахло корицей.

Вторую лекцию она со мной рядом не сидела. Слушать всё равно было почти невозможно. Я хотел ещё у неё спросить. Но не нужно быть навязчивым.

Когда я уходил, сказал, что ещё приду. Она сказала: «Хорошо». Её взгляд бил по мне, как прожектор, и мне было холодно, радостно, светло и тревожно. Я приходил на эти лекции пять раз. Чтобы видеть её и говорить с ней.

Иногда была усталой, иногда весёлой. В четвёртый раз я услышал, как она смеётся. Я сказал странную шутку странным голосом и изобразил странное лицо. К моему восхищению, Лера тоже сделала гримасу и изменила голос, и продолжила игру. Я еле удержался от того, чтоб упасть ей в ноги, вцепиться в них и заплакать.

После пятой лекции я выбежал в холл, чтобы поговорить с Лерой ещё, но её там не оказалось. Зато наконец-то появился Дима.

Я постарался скорее покончить с вежливыми фразами в духе «как живёшь» и перейти к разговору о важном.

– Слушай, а что это за девушка – Валерия – у вас работает?

– Лера? А тебе-то что... Погоди, чё, понравилась, что ли?

– Да. Понравилась.

Дима захохотал уже привычным звуком сумасшедшей касатки. Я подождал, пока он просмеётся. Иногда хотелось его ударить. Нет, довольно часто.

– Это ты зря, Андрюх.

– У неё парень есть? Или девушка?

– Никого у неё нет. Но я тебе так скажу – с таким характером и не будет никогда.

– По-моему, она очень милая и... приятная.

Я не стал говорить, что влюбился в нее, – пришлось бы провести минут пятнадцать в Димином потрясающем дельфинарии.

– Да ты чего такой тупой-то, Андрюха. Конечно, она с гостями милая и добрая. Она и выглядит, как надо, просто так, что ли, думаешь? Это всё для имиджа.

Я промолчал. Диму не смутило это. Дима мог на разные темы сам с собой общаться часами.

– Она в жизни реальная мегера. У нас в офисе не очень любят её. Она с начальником ругается. Мы все пытаемся понять – чё её не уволят никак? Некоторые говорят, что работает очень хорошо – с людьми общий язык находит, и многие из-за неё ходят к нам.

Ревность кольнула лёгкое.

– Я лично считаю – это потому что она родственница чья-то. Влиятельного кого-то. Разнюхать пытался, не на-

шёл ничего. Но я в этом уверен. Ей единственной из женщин можно в штанах тут ходить, прикинь? Все остальные в юбках ходят. Пипец. Она высокомерная и недовольная. Ну не нравится работа – так уволься. Но нет, местечко пригрето.

Он хихикнул.

– Да, с посетителями она – ангел, а с нами – ужас тихий.

Я подумал – как странно, что тихий, он ведь имеет в виду наоборот...

– Она матом орёт и дымит как паровоз. А ещё, она когда только к нам пришла работать, Сашка – коллега наш – к ней подошёл, говорит: «Хочешь, покурить сходим вместе?»

Лёгкое кольнуло.

– А она говорит: «Я не курю». А сама через пол часа встала и пошла в курилку. Ну не стерва? А-а-а, тут ещё дичь была. Короче, недавно она должна была на открытии одной конфы вещать и готовила слова для выступления. Ей потом эти слова поменяли как-то – я не в курсе, что там, – другим занимаюсь. Но соль в том, что узнала она об этом только в день этой самой конфы. Пришла, открыла файл – а там не то, что она учила. Ну, косяк, конечно, но она знаешь что сделала? Как кулаком бахнет по столу да как гаркнет на весь офис: «С-сука!» Мы аж со стульев повскакивали. Мне так с этого перфоманса стало смешно. А она прямо ко мне пошла. Ну, думаю, ща драться начнёт и всё – пока, Лерусик, удачи в дурке. А она говорит: «У тебя сопля из носа вылетела». Я говорю: «Так от смеха же». А она говорит: «Что смешного?» Вот-вот ударит. Но не ударила. А я говорю ей: «Проще надо быть, Лерусь». Она пулей из офиса, прямо к начальству в кабинет. Минут сорок слушали, как она орёт там. Новенькие смотрят на нас – глаза на лоб, а мы все головой качаем – это Лерка наша, привыкайте. Потом на конфу вышла –

и давай мурлыкать, там все поплыли просто. Вот тебе и милая-приятная.

Я вышел из лекционного центра и попал под яблоневые лепестки – они трогали меня по горячим щекам, а я был ошалевший. Я сел не в тот автобус, мне пришлось пересаживаться.

Я ехал домой и думал, думал, думал про Леру, не мог остановиться, сердце билось во всём теле, словно я сам весь стал сердцем.

Бесконечно представлял себе, как она кричит слово «с-сука», и чувствовал любовь.